

Научная статья
УДК 82-141
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-107
EDN PDGIMQ

**Лермонтов и Су Ши:
онейрическая поэтика и буддийское мировидение**

Леонид Викторович Дубаков

Кандидат филологических наук, доцент Центра русского языка, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, КНР, г. Шэньчжэнь
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье производится сопоставительный типологический анализ стихотворений М. Ю. Лермонтова и Су Ши. Актуальность работы обусловлена активным взаимодействием России и Китая в сфере культуры в последние два десятилетия, стремлением ученых-литературоведов с обеих сторон установить прямые и типологические связи между национальными литературами, прояснить и сравнить специфику художественных миров конкретных авторов. Сходство и отличие поэтических систем Лермонтова и Су Ши определяется с точки зрения лермонтоведческих интуиций, проявившихся в русской религиозной философии, классического лермонтоведения, а также в рамках исследований, посвященных буддийскому тексту русской литературы и буддизму в китайской культуре и литературе. Лермонтов и Су Ши – поэты неидентичного личностного и художественного темперамента, однако в их поэзии присутствует ряд связанных с религиозным мистицизмом архетипических мотивов – одиночества, странничества, жизни как духовного пути, неотмирности героя, неземного покоя, тонкости границ времени и пространства, иномирья, музыкальности реальности. Кроме того, эти поэты пересекаются в своем постепенном приближении к буддизму. Су Ши – поэт, соединивший в своем сознании три китайских религии – конфуцианство, даосизм, буддизм, с преобладанием последней в конце жизни. В случае Лермонтова можно условно говорить о некоторых элементах буддийского мировидения в отдельных его произведениях. Лермонтов и Су Ши – поэты, устремляющиеся к запредельному, видящие мир в его двойственности и открывающие для себя его недвойственный характер. Также одна из общих проблем их поэзии – осмысление природы, прочувствование границ собственного «я» – между собой и другими, собой и природой. У обоих поэтов сон и пробуждение оказываются тонкими состояниями души, которые обеспечивают переход человека к подлинной духовной жизни.

Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов; Су Ши; Су Дунпо; типологический анализ; онейрическая поэтика; буддизм; буддийский текст; буддийское мировидение; трансцендентная реальность

© Дубаков Л. В., 2025

Для цитирования: Дубаков Л. В. Лермонтов и Су Ши: онейрическая поэтика и буддийское мировидение // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 107–120. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-107>. <https://elibrary.ru/PDGIMQ>.

Original article

Lermontov and Su Shi: oneiric poetics and buddhist worldview

Leonid V. Dubakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the Center of the Russian language, the Shenzhen MSU–BIT University, PRC, Shenzhen
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article provides a comparative typological analysis of the poems by M. Y. Lermontov and Su Shi. The relevance of the work is due to the active cultural cooperation between Russia and China over the past two decades. Scientists from both countries seek to establish direct and typological links between the national literatures, to clarify and compare the specifics of the literary worlds created by certain authors. The similarity and difference between the poetic systems of Lermontov and Su Shi is examined from the point of view of Lermontov's intuitions, manifested in Russian religious philosophy and classical Lermontov studies, as well as in the framework of researches on Buddhist text in Russian literature and Buddhism in Chinese culture and literature. Lermontov and Su Shi are poets who are not identical in terms of personal and artistic temperament, but their poetry contains a number of archetypal motifs associated with religious mysticism – loneliness, pilgrimage, life as a spiritual path, the otherworldliness of the hero, heavenly peace, the subtleties of the boundaries of time and space, otherworldliness, and musical reality. In addition, these poets intersect in their gradual approach to Buddhism. Su Shi is a poet who combined in his mind three Chinese religions – Confucianism, Taoism, and Buddhism, with the latter dominating at the end of his life. In the case of Lermontov, we cannot unconditionally talk about certain elements of the Buddhist worldview in some of his works. Lermontov and Su Shi are poets who strive for the transcendental, seeing the world in its duality and discovering for themselves its non-dual character. A common problem of their poetry is understanding nature, feeling the boundaries between themselves and others, between themselves and nature. For both poets, sleep and awakening turn out to be subtle states of the soul that ensure a person's transition to genuine spiritual life.

Key words: M. Y. Lermontov; Su Shi; Su Dongpo; typological analysis; oneiric poetics; Buddhism; Buddhist text; Buddhist worldview; transcendent reality

For citation: Dubakov L. V. Lermontov and Su Shi: oneiric poetics and buddhist worldview. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 107–120. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-107>. <https://elibrary.ru/PDGIMQ>.

Введение

В книге «“Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...”»: российский-китайский литературный

диалог» Е. М. Болдырева обозначает три формы такого диалога. Во-первых, существование типологических пар писателей, писателей-

«двойников», в творчестве которых наблюдается очевидное сходство проблематики и поэтики. *Во-вторых*, мотивные переключки, порождаемые близостью общественно-политических ситуаций, внутри которых созданы конкретные литературные произведения, или прямым воздействием одного писателя на другого. Наконец, *третья форма диалога* – то, что открывается читателю через анализ «функционирования вечных, “странствующих” сюжетов и образов в русской и китайской литературе» [Болдырева, 2023, с. 13]. Данная третья форма – самая безусловная. Особенно если писатели не только относятся к разным культурам, но и значительно отстоят друг от друга во времени. Тем не менее, если существуют архетипические сюжеты, мотивы, определенные варианты мировоззрения и способы восприятия реальности, при необходимом обосновании возможны и подобные соотнесения.

Философы рубежа веков и первой половины прошлого века открыли для читателя М. Ю. Лермонтова (1814–1841) как поэта-мистика, как того, кто обладал «даром общения с мировыми духовными сущностями в полной развертке аксиологической шкалы: от благодатных до демонических» [Исупов, 2014, с. 56]. Они, по выражению философа С. Г. Семёновой, писали о нем, «мистически укореняя» его «в иные, сверхземные измерения бытия» [Семёнова,

2004, с. 172]. Так, в частности, В. С. Соловьёв и Д. С. Мережковский, хотя и по-разному оценивая Лермонтова, одинаково увидели в нем устремленность к метафизической реальности: у него была «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений» [Соловьёв, 2013, с. 388]; Лермонтов – исключительная душа, для которой «поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную» [Мережковский, 2013, с. 410]. Позже вслед за Мережковским о Лермонтове как о мистике, «вестнике», в «Розе мира» напишет Д. Л. Андреев, характеризуя его, наряду с Достоевским и Блоком, как одного из «Великих созерцателей “обеих бездн”, бездны горнего мира и бездны слоев демонических» [Андреев, 1991, с. 182]. Можно также сказать, что Лермонтов – поэт-романтик, наблюдающий реальность двоимирия, ощущающий «двуединую тягу» [Сакулин, 2013, с. 596] человечества, фиксирующий разлом между мирами и «безднами».

Су Ши (1037–1101), или Су Дунпо, поэт династии Сун, воспринял все три главные китайские религии: он изучил конфуцианство, учился в даосской школе, а также получал наставления от чаньского монаха Фо Иня. Беседы с последним впоследствии стали частью китайского фольклора, воплотившись в «Свод занятных историй,

случившихся с сунцами». Данные беседы-рассказы, на первый взгляд, иронически демонстрируют, в чем состоят подлинная духовная благородство и простота. Однако внутри каждой из этих бесед присутствует указание на ту или иную тонкую реальность [Сторожук, 2024]. Соприкосновению с этой последней посвящены и некоторые истории «Леса записей Дун-По», авторского сборника эссеистики Су Ши [Су Ши, 2009].

Параллель между мотивикой и поэтикой Су Ши и Лермонтова в статьях «Мотивы поэзии Лермонтова и Су Ши: критерии сопоставительного анализа» и «Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления» впервые провел китайский исследователь Тан Цюнцун [Тан Цюнцун, 2021]. Однако краткость этих статей оставляет возможность для дальнейшего типологического анализа. В представленной работе, конечно, также нет возможности провести исчерпывающий анализ схожих мотивов в творчестве Лермонтова и Су Ши, это требует отдельного и большого исследования. Здесь обозначены и проанализированы лишь некоторые наиболее яркие и показательные совпадения.

Результаты исследования

Как известно, в стихотворении Лермонтова «Ангел» (1831) нашел отражение биографический момент – «воспоминание поэта о песне, которую ему пела в детстве мать» [Лермонтов, 2014, с. 518].

Однако, по мысли Д. Л. Андреева, «Ангел, несший <...> душу на землю и певший ту песню, которой потом “заменить не могли ей скучные песни земли”, есть не литературный прием» [Андреев, 1991, с. 183], не поэтическое развитие платоновской интуиции о предсуществовании души на «небесной родине» и даже не биографический факт, но факт бытийственный. Схожий мотив соприкосновения с небесной иерархией можно обнаружить и в стихотворениях Су Ши. См., например, «武昌酌菩薩泉送王子立» («Провожая Ван Цзыли у источника бодхисаттв, что в Учане») («В путь без вина провожаю тебя...») [Су Дунпо, 1975]. Перед небесной реальностью реальность земная с ее «скучными песнями» [Лермонтов, 2014, с. 203] и житейскими заботами о материальных благах – вине или деньгах – малозначима. Источник бодхисаттв из произведения китайского поэта так же приобщает героя стихотворения к высокому инобытийному существованию, как и ангельская песнь – героя лермонтовского текста. Ощущение «томительной» жизни на свете равнозначно провидению того, что все четыре направления и водное пространство – это все то же лишь отраженное в них небо, что освящено присутствием высоких христианских или буддийских иерархий.

В поэзии юного Лермонтова «господствуют» «два memento»: «помни о смерти» и «помни о небе», «о высоком предназначении

человека», «об обретении бесконечности и в пространстве, и во времени» [Семёнова, 2004, с. 172]. Потенция вечности, живущая в сердце человека, «Объемлет в краткой миг» «Пространство без границ, течение века» [Лермонтов, 2014, с. 148]. Дом поэта – это дом высотой от земли до звезд и шириной, что измеряется «не взором, но душой» [Лермонтов, 2014, с. 148], он создан для страдания героя сегодня и его покоя в перспективе («Мой дом» (<1830– 1831?>)). В стихотворении Су Ши «宿九仙山 宋» («Ночую на Горе девяти святых») герой вначале отменяет время, ведь дух даосского учителя Ван Се, несмотря на прошедшие 500 лет, по-прежнему живет возле горного храма, а затем, погрузившись в «небытие» и очнувшись ото сна и трансцендируя, забывает про земное пространство, ранее в виде скал надвинувшееся на него с разных сторон: «Смотрел я на небо, где лодка-луна / Плыла в облаках – как во льдах!» [Су Дунпо, 1975].

Лермонтов, как и Су Ши, в поэзии переходит через границы между обыденным и иным миром. Лермонтовское стихотворение «Сон» (1841) В. В. Набоков в «Предисловии к “Герою нашего времени”» интерпретирует с точки зрения взаимопроникновения трех снов. Лирический герой видит сон о том, как умирает на Кавказе. Смертельно раненный видит сон о молодой девушке. Она, в свою очередь, видит сон об этом умираю-

щем, которому снится сон о ней. Перед нами «Сон 3 внутри Сна 2 внутри Сна 1, который, сделав замкнутую спираль, возвращает нас к начальной строфе» [Набоков, 2004, с. 526]. (До Набокова напряженное единство, тождество «я» поэта, его двойника-сновидца и «юной жены», о которой двойник вспоминает, отмечал И. Р. Эйгес в статье «О Лермонтове (К метафизике сновидения)» [Эйгес, 2013, с. 513] и В. С. Соловьёв в статье «Лермонтов» [Соловьёв, 2013, с. 390].) Физическая реальность, в которой существуют лермонтовские герои, истончается. Рана война дымится – в значении тлеет, горит жаром и болью, но вместе с тем здесь возникает и образ невидимого испарения, тонкого тумана исходящей души. Девушка сидит глубоко задумавшись, и корень «дум» оказывается не только созвучен корню «дым», но и совпадает с ним в одном из родственных значений: корень «дум» близок праславянскому «*dǫti», то есть «дуть». А оба они связаны с корнем «душ» – душа, и все вместе рождает образ тонкого дуновения сквозь материальность. Души героев встречаются, переносясь друг к другу по воздуху или, согласно выражению древних, по эфиру.

Интересно, что в раннем (1830 или 1831 года) одноименном стихотворении Лермонтова деву, которую видит герой и «Сидела <...> пленительна, грустна», поэт характеризует «как последний

сон / Души, на небо призванной» [Лермонтов, 2014, с. 140]. И так, схожие образы и мотивы, по-иному и в другом контексте собранные, позволяют прочесть сон героини «Сна» 1841 года и как ее вариант смерти, или как сложное онейрически-мортальное состояние.

Сложная композиция обнаруживается также в стихотворении Су Ши «江城子 乙卯正月二十日夜记梦 (十年生死两茫茫)» («На мелодию “Цзянчэнцзы”» («Речной город»)) («Десять уж лет с того времени минуло...»). Герой этого произведения, тоскуя по умершей жене, видит о ней сон. Место действия – их дом, она стоит перед окном и наряжается, их взгляды встречаются. При этом до конца не ясно положение героя: то ли он стоит перед окном за пределами дома, то ли внутри. Но в обоих случаях, по всей видимости, Су Ши организовывает встречу мужа и жены во сне через зеркальные преломления: он и она видят друг друга сквозь стекло или через отражение в нем. За счет сна и стекла, увиденного ночью, у Су Ши исчезает промежуток времени в десять лет и расстояние в тысячу ли.

Равно и в лермонтовском «Сне» расстояние между столичным пространством и кавказской долиной оказывается незначимым для уснувших героев. Лермонтов и Су Ши используют в своих стихотворениях слово «сон», но природу онейрического состояния каждого из героев определить сложно: ве-

щий сон, предсмертное забытие, дрема задумавшейся по божественному наитью души («бог знает чем была погружена» [Лермонтов, 2014, с. 349]), сон-фантазия, «спиритическое» свидание с духом покойной. Говоря о «Сне», Л. А. Ходанен и Ямадзи Асута пишут, что в этом произведении «присутствуют провидение собственной смерти, посмертный сон, сновидческая реальность последнего видения-воспоминания, посетившего сознание» [Ходанен, 2015, с. 181].

В целом, В. В. Савельева в монографии «Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей» говорит о множественности тонких, трудноопределимых онейрических состояний: «...греза, галлюцинация, гипнагогические образы, гипноз, кошмарный сон, летаргия, онейроид, сон, снобдение, тонкий сон» [Савельева, 2013, с. 487], также «видения <...> бред, мечты наяву [Савельева, 2013, с. 17].

Однако, какими бы ни были эти тонкие состояния и тонкие связи между героями у Лермонтова и Су Ши, они становятся возможны через силу любви и в приближении к смерти. Как заметил, размышляя о стихотворении «Сон» и в целом о творчестве поэта, И. Р. Эйгес: «Любовь, во всей совокупности своих элементов, острее всего пересекает жизнь на два мира – метафизический и эмпирический, она же обладает силой полнее всего слить их» [Эйгес, 2013, с. 527].

Отдельно можно отметить, что

Тан Цюнцун в статье «Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления», анализируя субъектно-объектную организацию текста и специфику восприятия внутренней и внешней реальности в китайской поэзии по сравнению с русской, пишет, что в стихотворении Су Ши «“я” и “ты” появляются одновременно, выступают в качестве субъектов и объектов изображения, образуя синкретическую целостность» [Тан Цюнцун, 2024, с. 65]. Такую же синкретическую целостность образуют «я» и «он» лермонтовского текста. Кроме того, «В обоих произведениях авторское сознание функционирует в двух формах: как частное “я”, любящее и страдающее, и высшее “я”, размышляющее о трагических коллизиях в жизни человека и видящее мир в бытийном измерении» [Тан Цюнцун, 2024, с. 65].

В стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841) Лермонтов возвращается к одной из главных проблем своей поэзии – к разладу между человеческим «я», воспринимаемым им в качестве «неподменного и неразложимого духовно-душевно-телесного единства» [Семёнова, 2004, с. 173], которое не должно знать границ и не может подлежать уничтожению, и покоем персонального небытия. С. Г. Семёнова замечает, что, хотя принято считать, что поздний Лермонтов «изменил своё негативное отношение к покою» [Семёнова, 2004, с. 200], в этом произведении все

равно присутствует та же проблема: космический пейзаж строен, а человек задаётся мучительными вопросами о смысле своего существования и пытается спастись, скрывшись во вневременном пространстве под покровом зеленого дуба, сладкого (ангелического) голоса и трансцендентного сна. Схожая ситуация – в тютчевском творчестве: «Сон в поэзии Тютчева выступает как своеобразный покров, отделяющий сознание человека от мрачной бездны существования, от неотвратимости хода времени, приближающего смерть, от одиночества не только индивидуума, но и всего человечества в борьбе с природой. Человек, лишенный сна, оказывается особенно хрупким перед лицом мироздания [Изотова, 2005, с. 138].

В стихотворении «西江月 照野弥弥浅浪» («Степь, залитая лунным светом...») герой Су Ши, подобно герою произведения Лермонтова, провидит нечеловеческий мир в окрестностях Хуанчжоу: в ночном небе светит луна, вокруг стоят горы, шумно течет речка. Он засыпает под воздействием усталости и вина, ощущая тишину и хрупкость природной реальности [Су Дунпо, 1975]. Это стихотворение Су Ши может быть прочитано сквозь образы и идеи буддизма: опьянение героя – это опьянение жизнью, наводящей морок на человека, река – поток человеческого существования, желание не потревожить покой мира – стремление к гармонии, голос кукушки, призыва-

ющей к пробуждению, – указание на возможность окончательного освобождения от иллюзорной действительности [Чогьял Намкай Норбу, 2001], скорое пробуждение – намек на учение о возможности мгновенного пробуждения к истинному существованию. Здесь нужно отметить, что мировоззрение Су Ши было сложным, но «буддизм в его времена был настолько органической частью жизни китайского общества, что даже для человека, специально не интересовавшегося его доктриной, он мог стать частью его внутреннего мира» [Мартынов, 1982, с. 228]. В случае же с Су Ши буддизм, философские и метафизические доктрины этой религии с каждым годом все сильнее проникали в его сознание. Подобное, буддийское истолкование в рамках широкого взгляда на отечественную литературу позапрошлого века [Бекметов, 2018] возможно и применительно к «Выхожу один я на дорогу...». Так, Б. С. Гречин утверждает, что в некоторых произведениях Лермонтова наблюдается резонанс с буддийским мировоззрением [Гречин, 2016]. Желание лермонтовского героя навечно «забыться и заснуть» [Лермонтов, 2014, с. 423], не умирая, но отринув желания и сожаления, кажется смежным с представлением о состоянии нирваны, или угасания страстей.

Стихотворение «И скучно, и грустно» (1840) в еще большей степени видится буддийским текстом, так как оно наполнено фразами об обманности, тщете, конечности и

вредности желаний и страстей, со звучными строкам «Дхаммапады»: «Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение времени возвращаются к страданию» [Дхаммапада, 1960, с. 127], «Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобожден, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости» [Дхаммапада, 1960, с. 128]. Заметим, в связи с этим произведением, что в критической статье, посвященной поэзии гр. А. А. Голенищева-Кутузова, В. С. Соловьёв обращает внимание на проявление буддийского настроения, правда, в его упрощенном, только отрицающем виде: «Это настроение есть с начала до конца – безнадежность. Жизнь бессмысленна, а счастье – мгновенная и обманчивая случайность» [Соловьёв, 1991, с. 432]. Думается, опуская соловьевские слова о безнадежности, что это описание буддийских взглядов, конечно, больше подходит именно лермонтовскому стихотворению «И скучно, и грустно», а не всего лишь пессимистически настроенному поэту Голенищеву-Кутузову.

Стихотворение «舟中夜起» («风萧萧吹菰蒲») («Ночная дума») («Ветер что-то шепчет в тростнике...») Су Ши констатирует ту же печальную ситуацию: «Наша жизнь стремительна, быстра, / Соткана из

грусти и забот, / А отдохновенье – быстрый миг: / Промелькнет внезапно – и уйдёт» [Су Дунпо, 1975]. Однако завершается это произведение не отчаянием, как у Лермонтова, а призывом к преодолению ночной лунной иллюзии жизни: «Барaban вещает, что пора / Паруса расправить рыбакам!» [Су Дунпо, 1975].

Еще одно пронизанное буддийским мировоззрением и настроением стихотворение Лермонтова – «Тучи» (1840) – содержит мотивные переключки с произведением Су Ши «水调歌头 丙辰中秋, 欢饮达旦, 大醉, 作此篇, 兼怀子由» («В середине осени в год Бинчэн я веселился всю ночь, распивая вино, и во хмелю вспомнил своего брата Цзы Ю. Тогда же я написал эти стихи») («С чаркой вина в руке люблюсь лазурью небес...»). Однако то, что с некоторой гордостью принимает герой стихотворения Лермонтова: холод окружающего неземного пространства и собственной души, отвержение земных страстей и отсутствие земного пристанища [Лермонтов, 2014, с. 325], – того опасается герой стихотворения Су Ши: его пугает холод нефритового небесного дворца, он принимает ущербность человеческого существования и желает долгой жизни своему близкому [Су Дунпо, 1975].

Заключение

Лермонтов и Су Ши – поэты разных культур, они значительно отличаются друг от друга во времени, у

них разный характер. Однако в их творчестве обнаруживается ряд схожих, связанных с религиозным мистицизмом архетипических мотивов – это мотивы одиночества, странничества, жизни как духовного пути, неотмирности героя, неземного покоя, тонкости границ времени и пространства, иномирья, музыкальности реальности. Герои стихотворений этих поэтов воспринимают двоимирие бытия, видя границу между мирами и в отдельных случаях, устремляясь к ней и за нее. Проникновение в высший мир, освященный с инспирацией божественных существ, в таинственный мир запределья возможно посредством тонких состояний, обусловленных, например, любовью и смертью и проявляющихся в сновидческих погружениях. Лермонтов и Су Ши – поэты, для которых земная реальность противопоставлена реальности небесной: первая из них груба, мгновенна и иллюзорна, другая – хотя холодна и вечна, но по-настоящему действительна.

Одна из точек сближения Лермонтова и Су Ши – их буддийское мировидение. В случае с китайским поэтом это его сознательный религиозный выбор, в случае с поэтом русским – интуитивное движение в сторону мировидения, частично совпадающего с его характером, его интеллектуальным и творческим темпераментом.

Лермонтов и Су Ши тем не менее разнятся в том, как они видят и отражают земную и духовную реальность. Су Ши принимает двоимирие,

существование страданий и смерти, учиться земным, но помнит о небесном, видит взаимопроникновение одного и другого и иллюзорность обоих (исповедуя буддийские идеи, китайский поэт помнит, что любая двойственность не безусловна, например, «и сон и бодрствование оказываются неистинными» <...>, ведь во сне мы видим, по сути дела, то же самое, что встречаем наяву» [Мартынов, 1982, с. 242-243]; истинная же реальность есть дхармакайя, то есть абсолютная реальность с точки зрения буддизма). Применительно к Су Ши, наверное, возможно говорить о «буддийской онейро-поэтике». Е. С. Штейнер в статье «“Зыбкий мост сна”: сны и сновидцы в японской традиции», как и А. С. Мартынов, обращает внимание на иной, чем в европейской и русской традиции, взгляд на природу сна на востоке, в буддизме: «Сон – не противоположность яви, а одна из манифестаций различных форм иллюзорности», «Буддисты всегда подчеркивали, что между бодрствующим и спящим сознанием нет разницы, как между черным и белым, но оба эти состояния скорее принадлежат одному континуальному сознанию» [Штейнер, 2009, с. 434]. При этом «В одних текстах

сон мог служить метафорой помрачения сознания, отказывающегося воспринять истинную сущность мира, в других – мог почитаться как наиболее верный модус сознания-бытия, окно в прозрачную зыбкость мира как он есть» [Штейнер, 2009, с. 430]. И это тоже случай Су Ши, у которого в разных стихотворениях, в зависимости от интенции и состояния героя, сон выступает и в качестве одного, и в качестве другого.

Лермонтов, в отличие от Су Ши, либо бунтует, либо с большим трудом пытается смириться с мирозданием, исполненным оппозиций – любви и разлуки, покоя и действия, красоты и разрушения, жизни и смерти, и преодолеть их; для Су Ши, притом что «отрешиться от эмпирического мира и от своей личности было не так-то просто» [Мартынов, 1982, с. 242], граница между субъектом и объектом (человеком и человеком, человеком и природой) иллюзорна, равно как и временные и пространственные границы, Лермонтов же остро их переживает, упорно и однозначно удерживаясь за собственное «я» и одновременно открывая возможности для стирания всяческих границ в «посмертной живой дреме» [Роднянская, 1981, с. 304].

Библиографический список

1. Андреев Д. Л. Роза мира. Метафилософия истории. Москва : Прометей, 1991. 288 с.
2. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога) : [монография]. Казань : Школа, 2018. 327 с.
3. Болдырева Е. М. «Мой далёкий двойник где-то там, на другом берегу...»: Российско-китайский литературный диалог : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 347 с.

4. Гречин Б. С. Апология русского буддизма. Ярославль : МБРО «Буддийская община “Сангье Чхо Линг”», 2016. 64 с.
5. Дхаммапада. Пер. с пали, введение и комментарии В. Н. Топорова ; отв. ред. Ю. Н. Рерих. Москва : Изд-во Восточной литературы, 1960. 160 с.
6. Изотова Е. С. Мотивный комплекс «сон – бессонница» в лирике Ф. И. Тютчева // Культура и текст – 2005 : сборник научных трудов международной конференции: В 3 т. / под ред. Г. П. Козубовской. Т. 1. Санкт-Петербург ; Самара; Барнаул : Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 2005. С. 133–140.
7. Исупов К. Г. Метафизика Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. С. В. Савинкова, К. Г. Исупова; вступ. статья С. В. Савинкова. Санкт-Петербург : РХГА, 2014. С. 53–72.
8. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Стихотворения / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. 776 с.
9. Мартынов А. С. Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по и Чжу Си // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века [: сб.]. Москва : Наука, ГРВЛ, 1982. С. 206–316.
10. Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 399–439.
11. Набоков В. В. Собрание сочинений американского периода в 5 томах: Том 1 / Пер. с англ.; сост. С. Ильина, А. Кононова. Предисл. и комментарии А. Люксембурга. Санкт-Петербург : Симпозиум, 2004. 608 с.
12. Роднянская И. Б. Сон // Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР (Пушкин. дом), Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энциклопедия»; Гл. ред. В. А. Мануйлов. Москва : Сов. энциклопедия, 1981. 784 с.
13. Савельева В. В. Художественная гипнология и онейропозитика русских писателей : монография. Алматы : Жазушы, 2013. 520 с.
14. Сакулин П. Н. Земля и небо в поэзии Лермонтова // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 594–640.
15. Семёнова С. Г. Метафизика русской литературы. Том 1. Москва : Издательский дом «ПоРог», 2004. 512 с.
16. Соловьёв В. С. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой; вступ. статья В. М. Марковича; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 381–398.
17. Соловьёв В. С. Буддийское настроение в поэзии // Философия искусства и литературная критика / Вступ. статья Р. Гальцевой и И. Роднянской. Москва : Искусство, 1991. 701 с.
18. Су Дун-по. Стихи. Мелодии. Поэмы / Су Дун-по; пер. с кит. И. Голубева; пер. под ред. Г. Ярославцева. Москва : Художественная литература, 1975. 285 с.
19. Су Ши. Горный чертог / пер. с кит., сост. С. А. Торощев ; науч. консультант, проф. Гу Юй. Москва : Шанс, 2024. 159 с.

20. Су Ши. Лес записей Дун-по. Записки из Чоучи / Перевод и комментарии И. А. Алимова // Алимов И. А. Лес записей: Китайские авторские сборники X–XIII вв. в очерках и переводах. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2009. С. 459–527.

21. Тан Цюнцун. Мотивы поэзии Лермонтова и Су Ши: критерии сопоставительного исследования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 3-5(73). С. 451–452.

22. Тан Цюнцун. Субъектно-образные структуры русской и китайской лирики: аспекты сопоставления // *Philologos*. 2024. Выпуск №2 (61). С. 62–67.

23. Ходанен Л. А., Ямадзи Асута. Поэтическая мифология снов в творчестве М. Ю. Лермонтова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-4(62). С. 179–183.

24. Чогъял Намкай Норбу. Дзогчен – состояние самосовершенства. Кукушка состояния присутствия. Санкт-Петербург : Шанг Шунг, 2001. 176 с.

25. Штейнер Е. С. «Зыбкий мост сна»: сны и сновидцы в японской традиции // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 6. 2009. С. 430–443.

26. Эйгес И. Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 1. / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой ; вступ. статья В. М. Марковича ; коммент. Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. Санкт-Петербург : РХГА, 2013. С. 512–534.

Reference list

1. Andreev D. L. *Roza mira. Metafilosofija istorii = The Rose of the world. Metaphilosophy of history*. Moskva : Prometej, 1991. 288 s.

2. Bekmetov R. F. *Russkaja literatura i buddijsko-daoskij Vostok (problemy dialoga) = Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue) : [monografija]*. Kazan' : Shkola, 2018. 327 s.

3. Boldyreva E. M. “Moj daljokij dvojniki gde-to tam, na drugom beregu...”: Rossijsko-kitajskij literaturnyj dialog = “My far away twin is somewhere out there, on the other shore...”: Russian-Chinese literary dialogue : monografija. Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2023. 347 s.

4. Grechin B. S. *Apologija russkogo buddizma = The Apology of Russian Buddhism* / B. S. Grechin. Jaroslavl' : MBRO «Buddijskaja obshhina "Sang#e Chho Ling"», 2016. 64 s.

5. *Dhammapada = The Dhammapada. Per. s pali, vvedenie i kommentarii* V. N. Toporova ; otv. red. Ju. N. Rerih. Moskva : Izd-vo Vostochnoj literatury, 1960. 160 s.

6. Izotova E. S. Motivnyj kompleks «son – bessonnica» v lirike F. I. Tjutcheva = The motif complex “sleep – insomnia” in F. I. Tyutchev's poetry // *Kul'tura i tekst – 2005 : sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj konferencii: V 3 t. / pod red. G. P. Kozubovskoj*. T. 1. Sankt-Peterburg ; Samara; Barnaul : Izd-vo Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta, 2005. S. 133–140.

7. Isupov K. G. *Metafizika Lermontova = Lermontov's metaphysics* // М. Ю. Лермонтов: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост., коммент. S. V. Savinkova, K. G. Isupova; вступ. стат'я S. V. Savinkova. Sankt-Peterburg : RHGA, 2014. S. 53–72.

8. Lermontov M. Ju. Sobranie sochinenij: V 4 t. T. 1. Stihotvorenija = Complete works: In 4 volumes Vol. 1. Poems / otv. red. toma N. G. Ohotin. Sankt-Peterburg : Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2014. 776 s.
9. Martynov A. S. Buddizm i konfucijancy: Su Dun-po i Chzhu Si = Buddhism and Confucians: Su Dong-po and Zhu Xi // Buddizm, gosudarstvo i obshhestvo v stranah Central'noj i Vostochnoj Azii v srednie veka [: sb.]. Moskva : Nauka, GRVL, 1982. S. 206–316.
10. Merezkovskij D. S. Lermontov. Pojet sverhchelovechestva = Lermontov. The poet of superhuman // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 399–439.
11. Nabokov V. V. Sobranie sochinenij amerikanskogo perioda v 5 tomah: Tom 1 = Collected works of the American period in 5 volumes: Volume 1 / Per. s angl.; sost. S. Il'ina, A. Kononova. Predisl. i kommentarii A. Ljuksemburga. Sankt-Peterburg : Simpozium, 2004. 608 s.
12. Rodnjanskaja I. B. Son = Dream // Lermontovskaja jenciklopedija / In-t rus. lit. AN SSSR (Pushkin. dom), Nauch.-red. sovet izd-va «Sov. jenciklopedija»; Gl. red. V. A. Manujlov. Moskva : Sov. jenciklopedija, 1981. 784 s.
13. Savel'eva V. V. Hudozhestvennaja gipnologija i onejropojetika russkih pisatelej = Artistic hypnology and oneiro-poetics in Russian writers' works: monografija. Almaty : Zhazushy, 2013. 520 s.
14. Sakulin P. N. Zemlja i nebo v poezii Lermontova = Land and sky in Lermontov's poetry // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 594–640.
15. Semjonova S. G. Metafizika russkoj literatury. Tom 1 = Metaphysics of Russian literature. Volume 1. Moskva : Izdatel'skij dom «PoRog», 2004. 512 s.
16. Solov'jov V. S. Lermontov = Lermontov // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1 / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj; vstup. stat'ja V. M. Markovicha; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 381–398.
17. Solov'jov V. S. Buddijskoe nastroyenie v poezii = Buddhist mood in poetry // Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika / Vstup. stat'ja R. Gal'cevoj i I. Rodnjanskoj. Moskva : Iskusstvo, 1991. 701 s.
18. Su Dun-po. Stihi. Melodii. Pojemy = Verses. Melodies. Poems / Su Dun-po; per. s kit. I. Golubeva; per. pod red. G. Jaroslavceva. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975. 285 s.
19. Su Shi. Gornij chertog = The Upper Hall / per. s kit., sost. S. A. Toropcev ; nauch. konsultant, prof. Gu Juj. Moskva : Shans, 2024. 159 s.
20. Cu Shi. Les zapisej Dun-po. Zapiski iz Chouchi / Perevod i kommentarii I. A. Alimova = Forest of Dong-po records. Notes from Chouchi / Translated and commented by I. A. Alimov // Alimov I. A. Les zapisej: Kitajskie avtorskie sborniki X–XIII vv. v ocherkah i perevodah. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009. S. 459–527.

21. Tan Cjuncjun. Motivy poezii Lermontova i Su Shi: kriterii sopostavitel'nogo issledovanija = Motifs in poetry by Lermontov and Su Shi: criteria of comparative research // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 3–5(73). S. 451–452.

22. Tan Cjuncjun. Sub#ektno-obraznye struktury russkoj i kitajskoj liriki: aspekty sopostavlenija = Subject-image structures of Russian and Chinese poetry: comparison aspects // Filologos. 2024. Vypusk №2 (61). S. 62–67.

23. Hodanen L. A. Pojeticheskaja mifologija snov v tvorcestve M. Ju. Lermontova = The poetic mythology of dreams in M. Y. Lermontov's work / L. A. Hodanen, Jamadzi Asuta // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2–4(62). S. 179–183.

24. Chog'jal Namkaj Norbu. Dzogchen – sostojanie samosovershenstva. Kukushka sostojanija prisutstvija = Dzogchen is a state of self-perfection. The cuckoo states of presence. Sankt-Peterburg : Shang Shung, 2001. 176 s.

25. Shtejner E. S. “Zybkij most sna”: sny i snovidcy v japonskoj tradicii = “The Shaky Bridge of Sleep”: dreams and dreamers in the Japanese tradition // Russkaja antropologicheskaja shkola. Trudy. Vyp. 6. 2009. S. 430–443.

26. Jejges I. R. O Lermontove (K metafizike snovidenija) // M. Ju. Lermontov: pro et contra, antologija. T. 1. = About Lermontov (Towards the metaphysics of dreams). T. 1. // M. Y. Lermontov: pro et contra, anthology, vol. 1. / Sost. V. M. Markovicha, G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj ; vstup. stat'ja V. M. Markovicha ; komment. G. E. Potapovoj, N. Ju. Danilovoj. Sankt-Peterburg : RHGA, 2013. S. 512–534.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.

The article was submitted on 25.06.2025; approved after reviewing 23.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025